

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Из воспоминаний М. Гюрчинова «Постижение реальности»:
Первый раз в Москве**

SUPPLEMENT

**From Milan Ćurčinov's Memoirs "Comprehension of Reality":
The First Time in Moscow**

Предстоящий отъезд в Москву будил в каждом из нас (мы ехали группой: два специалиста из Загреба, один из Белграда и я) живой интерес. Прежде всего потому, что мы были одной из первых югославских делегаций, которая после наступившей «оттепели» в отношениях в 1956 году посетила СССР. Кроме того, трудно было найти хотя бы одного югославского интеллектуала, если только он не придерживался прямо противоположных убеждений, который бы без сильного волнения не переживал контакт с «первой страной социализма». Был взволнован и я, поэтому, наряду с исследованиями о Чехове, недоступными у нас, и встречах с чеховедами, я думал о множестве других вещей, которые меня интересовали. Нас поселили в маленьких комнатках монументального здания МГУ на Ленинских горах, устрашающих размеров строения архитекторов сталинской эпохи. Мы там и питались. В этом же здании жили и некоторые наши преподаватели, назначенные нашими руководителями. Уже с октября началась холодная и суровая русская зима, связь с другими районами города и центром была неважной, что, вместе с маленькой стипендией и весьма скромными условиями жизни, в целом способствовало тому, что большую часть своего пребывания в Москве мы проводили в этом огромном здании, которое со своими бесконечными коридорами и этажами походило на хаотично организованный город.

Моим руководителем был назначен профессор Геннадий Поспелов, человек уже в годах, большой знаток русской литературы и чеховед, автор известной «Теории литературы» (1940), который из-за этой книги – из-за высказанной в ней «либеральной позиции» – имел неприятности с официальной властью и был ею отодвинут «на дистанцию». Старый профессор был очень любезный и предупредительный человек, один из тех русских «из старой гвардии», которым доставляло удовольствие помогать и поддерживать молодежь. Он мне очень помог быстро сориентироваться в тогдашней литературе о Чехове, предоставив возможность ознакомиться с работами Балухатого, Дермана, Гитович и др., о которых у нас в Скопье я знал лишь понаслышке. Но, при всей его любезности и готовности помочь, я заметил, что он сдержан с своих высказываниях. Вплоть до того вечера, когда он пригласил меня к себе на ужин в его профессорскую квартиру в МГУ. В квартире, кроме него, никого не было, а ужин на столе в столовой был уже кем-то накрыт, что практиковалось в русских домах, не только в этом случае. После того как мы прекрасно поужинали и поговорили, профессор пригласил меня в свой рабочий кабинет. Там в полумраке с крайней предосторожностью он начал доставать из бюро свои неопубликованные тексты, которые, как оказалось, он не мог опубликовать. Речь шла о работах о Чехове и о Гоголе. Мы засиделись далеко за полночь. Я был абсолютно растерян, и голова шла кругом, как от выпитого

вина, так и от необычной обстановки. Я чувствовал, что профессор мне доверился, что он рассказывает о чем-то личном и запретном, о чем-то, что скрывал от посторонних глаз и что сейчас хочет прочитать своему молодому коллеге. То, что поразило меня больше всего, пока я слушал его дрожащий голос и наблюдал за старым человеком, охваченным сильным волнением, был факт, что во всем услышанном я не находил ничего страшного, направленного против власти. Я никак не мог понять, как могло случиться, что столь уважаемый и широко известный ученый не имеет возможности опубликовать свое мнение и оценку по такой нейтральной тематике. Это был не Достоевский с его «Бесами», не Пастернак, чей «Доктор Живаго» только что так взволновал Россию и весь мир, не Гумилев, не Мандельштам, не Цветаева! Что во всем этом опасного? Я не переставал задавать себе этот вопрос, пока слушал его. Я ушел от него перед рассветом. Проходя по заснеженным улицам к зоне, где я жил, я говорил себе: «Да ты, дорогой, все еще ничего не знаешь о России». Я действительно ничего не понимал.

Ночной сеанс с моим научным руководителем, очевидно, повлиял на меня, пусть и подсознательно, как предупреждение. Я сосредоточился на предмете своего исследования и цели своей научной специализации. Я работал в ряде московских архивов и библиотек, больше всего, естественно, в «Ленинке», и дело двигалось, и подходило к концу мое первое пребывание в Москве...

Из книги воспоминаний:
Ѓурчинов М. Овојување на реалноста. Скопје, 2000. С. 195–197.

Перевод А.Г. Шешкен